

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 5

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Актуальная археология 5

Тезисы Международной научной конференции молодых ученых

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2020

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия:

к. и. н. К. В. Конончук (отв. редактор), к. и. н. А. А. Бессуднов,
Е. К. Блохин, к. и. н. Н. А. Боковенко, В. С. Бочкарев,
к. и. н. М. Е. Килуновская, Н. С. Курганов, к. и. н. К. А. Михайлов,
А. И. Мурашкин, к. культ. А. Ф. Покровская, К. С. Роплекар,
к. и. н. С. Л. Соловьев, к. и. н. К. Н. Степанова, к. и. н. Е. С. Ткач,
к. и. н. О. А. Щеглова

Рецензенты:

к. и. н. О. И. Богуславский (ИИМК РАН), к. и. н. Е. А. Черленок (СПбГУ)

Оргкомитет конференции:

к. и. н. К. В. Конончук (ИИМК РАН), М. И. Бажин (ИИМК РАН),
А. И. Климушина (ИИМК РАН), Т. А. Ключников (АНО «Археологическое
исследование Сибири»), А. Р. Лада (ИИМК РАН), В. М. Лурье (ИИМК РАН),
Д. С. Филимонова (ИИМК РАН), И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж)
Оформитель С. Л. Соловьёв
Корректор А. О. Поликарпова

Актуальная археология 5.

Материалы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК
РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. – 392 с. : ил.

Сборник содержит материалы докладов, которые были представлены на Международной научной конференции молодых ученых «Актуальная археология 5». Доклады охватывают различные направления исследовательской деятельности молодых ученых. Статьи объединены в тематические разделы, посвященные междисциплинарным исследованиям, охранно-спасательным археологическим работам, вопросам систематизации, хранения и реставрации археологических коллекций, проблемам археологического источниковедения. Издание предназначено для историков, археологов, студентов и аспирантов археологических специальностей и всех интересующихся историей и археологией.

ISBN 978-5-907298-04-0

УДК 902/904
ББК 63.4

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2020

- Крыласова Н. Б., 2016а. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. № 3. С. 63–76
- Крыласова Н. Б., 2016б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2015 году. Пермь.
- Крыласова Н. Б., 2018. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2017 году. Пермь.
- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В., 2014 Археологические памятники Чашкинского озера // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. Пермь.
- Народы Европейской части СССР, 1964. Т. II. М.
- Оборин В. А., 1954. Коми-пермяки в IX–XV вв. (Родановская культура): Дис. канд. ист. наук. М.
- Оборин В. А., 1999. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск. С. 255–298.
- Сарапулов А. Н., 2014. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвенском районе в 2014 г. Пермь.
- Сарапулов А. Н., 2015. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь.
- Талицкий М. В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XI вв. // МИА. № 22. М. С. 3–96.
- Черных Е. М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск.
- Шмуратко Д. В., 2016. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвенском районе в 2015 г. Пермь.

Этносоциальная ситуация в Северном Прихубсугулье в XIII–XIV вв.: предварительные выводы

Портнягин М. А.

*(Научно-исследовательская лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск)
matirk@yandex.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-343-348

Изучение процессов, проходивших в разных частях Великой монгольской империи, необходимо для более полного понимания и корректного взгляда на этот исторический феномен.

К настоящему времени на территории Северного Прихубсугулья (Хубсугульский аймак, Монголия) исследованы следующие погребения, датируемые XIII–XIV вв. (пол/ориентировка): Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I) № 3 (муж./C), 4 (муж./C), 5 (жен./C3), 6 (жен./C3); Ногоон-Гозгор II

(Цыгыр II) (кенотаф) (?/СВ); Зуун Хярын Дэнж I-2 (муж./СЗ); Урд-Хяр I-9 (муж./СВ); Урд-Хяр II-23 (жен./СЗ), 24 (жен./СВ); Хавцал II-8 (?/СВ) (табл. 1).

Таблица 1. Перечень погребений XIII–XIV вв. с указанием пола и ориентировки

№	Название	Пол	Ориентировка
1	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I)-3	Муж.	Север
2	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I)-4	Муж.	Север
3	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр I)-5	Жен.	Северо-запад
4	Ногоон-Гозгор I (Цыгыр)-6	Жен.	Северо-запад
5	Ногоон-Гозгор II (Цыгыр II) (кенотаф)	–	Северо-восток
6	Зуун Хярын Дэнж I-2	Муж.	Северо-запад
7	Урд-Хяр I-9	Муж.(?)	Северо-восток
8	Урд-Хяр II-23	Жен.	Северо-запад
9	Хавцал II-8	?	Север-северо-восток

В материалах погребений Ногоон-Гозгор I-5,6; Урд Хяр II-23,24 обнаружены остатки головного убора бокка (богтаг, бугтак, бокто, гу-гу) – «имперский» маркер, или же сопутствующие ему атрибуты. Бокки из Ногоон-Гозгор I-5 (рис. 1) и Урд-Хяр II-23 (рис. 1: 1) относятся к монголо-тянь-шаньской разновидности (Харинский и др., 2018. С. 108). В погребении Ногоон-Гозгор I-6 обнаружена шелковая шапочка, на которую надевали бокку. В погребении Урд-Хяр II-24 – бронзовый амулет-

тумара – один из основных элементов декора бокк (рис. 1: 2). Среди мужских захоронений только Урд-Хяр I-9 выделяется разнообразием погребального инвентаря (стремена, колчаный крюк, напильник, топорик, два ножа, бронзовая чаша).

Локализация Северного Прихубсугуля в горно-лесных ландшафтах, даже с учетом сравнительно небольшой удаленности от столицы Монгольской империи, делало указанный регион периферийным. Это отражалось на экономической привлекательности данного района для новых кочевых элит (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011. С. 122), что, в свою очередь, может объяснить вариативность погребального обряда местного населения в XIII–XIV вв.

Для сравнения можно привести данные по более северным территориям. В Приольхонье (западное побережье оз. Байкал) в XIII–XIV вв. параллельно бытовало несколько погребальных традиций, включая собственно монгольскую – ангинскую (Харинский, 2001). В ангинских материалах присутствуют элементы бокки (бронзовый амулет-тумара и деревянная розетка) (Асеев, 1980. С. 71–72). Факт параллельного бытования нескольких погребальных традиций и наличие имперских маркеров говорит о периферийности данного региона (небольшие монгольские контингенты / мирное вхождение в состав империи).

В «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина бокка неоднократно упоминается в контексте, описывающем повышение социального статуса наложницы: «Возложил ей на голову буктаг», «Взял в жены» и «И она стала хатун» (Рашид-ад-дин, 2011. С. 20–23; 94). Будучи девушкой из иной этнической и социальной среды, она становилась женой хана, матерью его детей. Захваченных при набегах знатных женщин победители обычно брали себе в жены. «Жена нойона во время его болезни или вследствие каких-либо других причин могла исполнять обязанности мужа» (Владимирцов, 1934. С. 150).

Ранее в тюрко-монгольском мире существовала традиция, согласно которой сторона жениха наделяла девушку полным костюмом замужней женщины, воплощавшем характерные этнические черты рода жениха и выступавшим его маркером (Содномпилова, 2014. С. 425).

Политический гегемон (в данном случае монголы) мог распространять моду, которой подражали или которую были обязаны соблюдать покоренные народы – «система социально-этнического подчинения» (Савинов, 2005).

Отличия в элементах погребального обряда в могилах, схожих по ряду признаков, возможно связаны с желанием ряда номадов подчеркнуть связь с империей, при этом сохранив свое этническое самосознание (Доде, 2005. С. 26). Говоря о восточной части Степного пояса Евразии, стоит отметить, что в отличие от Дешт-и-Кипчака, здесь археологически неизвестны иные женские головные уборы на берестяной основе вытянутой формы, датируемые первой половиной II тыс. н. э., кроме самих бокк.

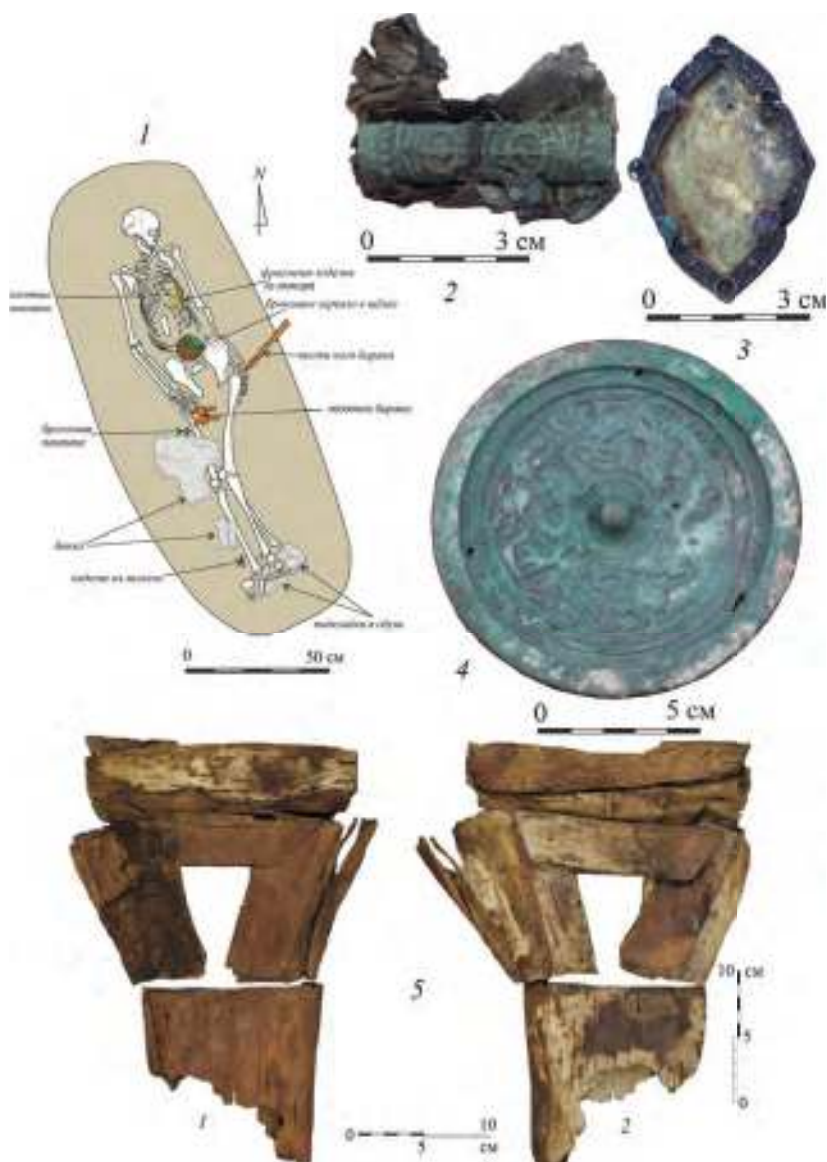

Рис. 1. Погребения: 1 – план погребения (Урд-Хяр II-23); 2 – бронзовый цилиндр (тумара) (Урд-Хяр II-24); 3 – золотая нашивка (Урд-Хяр II-23); 4 – бронзовое зеркало (Урд-Хяр II-23); 5 – бокка (Ногоон Гозгор I-5): 1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона

Одним из классических маркеров для выводов об этнической принадлежности погребенных для тюрко-монгольской археологии является их ориентировка. Для погребений монголов имперского периода характерна ориентировка погребенных головой на северо-восток, север. Наличие же западной и северо-западной ориентировок связывают с тюркскими традициями.

Как можно видеть из представленного перечня погребений, 3 из 4 женских захоронений ориентированы на северо-запад, 1 на северо-восток; из 4 мужских – 2 на север и по одному на северо-восток и северо-запад. Преобладание северо-западной ориентировки среди женских захоронений в комплексе с имперскими маркерами и обычаем экзогамии позволяет выдвинуть предположение о неместном происхождении погребенных.

Охарактеризовав на основе данных этнографии и письменных источников некоторые стороны брака в среде монголов времен империи, приведя археологические материалы с Северного Прихубсугуля, можно сделать следующие предварительные выводы:

1) находясь на севере степного пояса, население данных территорий в целом существовало в русле культурных тенденций, запущенных монголами в период великодержавия;

2) материалы погребений показывают высокий статус женщин: в могилах обнаружены бокки или их элементы (рис. 1: 1, 2, 5), шелк, золотые изделия (рис. 1: 3), бронзовое зеркало (рис. 1: 4), фрагмент изделия из янтаря;

3) разность ориентировок мужских и женских погребений, наличие бокк в женских, по всей видимости, говорит об экзогамных брачных отношениях. Предположительно девушки могли происходить из области Кем-Кемджиут, Алтай;

4) помимо сопроводительного инвентаря, элементы погребального обряда обследованных могил не показывают сильной социальной дифференциации.

Список литературы

- Асеев И. В., 1980. Прибайкалье в Средние века. Новосибирск.
Владимирцов Б. Я., 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.
Доде З. В., 2005. Символы легитимации принадлежности к Империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. № 4. М. С. 25–35.
Рашид-ад-дин Фазлуллах., 2011. Джам-ат-таварих // Министерство культуры и туризма Азербайджанской Республики, Национальная библиотека Азербайджана им. М. Ф. Ахундова. Баку.

- Савинов Д. Г., 2005. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ. С. 31–43.
- Содномпилова М. М., 2014. Чужие для всех: группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Сибирский сборник – 4. СПб. С. 419–431.
- Харинский А. В., 2001. Приольхонье в Средние века: погребальные комплексы. Иркутск.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., 2011. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. Вып. 6. Барнаул. С. 107–124.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М. А., Оргилбаяр С., Кичигин Д. Е., 2018. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 14, № 2. Иркутск. С. 93–120.

Торсированные железные изделия из средневековых материалов Пермского Предуралья

Смертин А. Р.

*(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
scrume.tv@mail.ru*

DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-348-351

Торсирование – кузнечный прием, заключающийся в скручивании металлического прута округлого или прямоугольного сечения вокруг своей оси для получения изделия разной степени изогнутости. Прут закручивался в холодном состоянии или при незначительном нагреве, что обеспечивало равномерный шаг витков. Вероятно, эта операция выполнялась двумя людьми или при помощи тисков, с захватом заготовки с двух сторон. Железные изделия из археологических материалов Пермского Предуралья, декорированные приемом торсирования – достаточно редкая находка на фоне подобных изделий без декорирования. Работа состояла в сборе всех железных изделий этой категории, известных на территории Пермского Предуралья в средневековье, поиске аналогий и попытке датирования торсирования на исследуемой территории. Всего было найдено 19 изделий, которые происходят с 9 памятников.

Н. Б. Крыласова отнесла такой способ декорирования железных изделий к XIII–XIV вв. (Крыласова, 2016. С. 72–73). Это предположение совпадает с выводом Р. Д. Голдиной, В. А. Кананина (Голдина, Кананин, 1988.